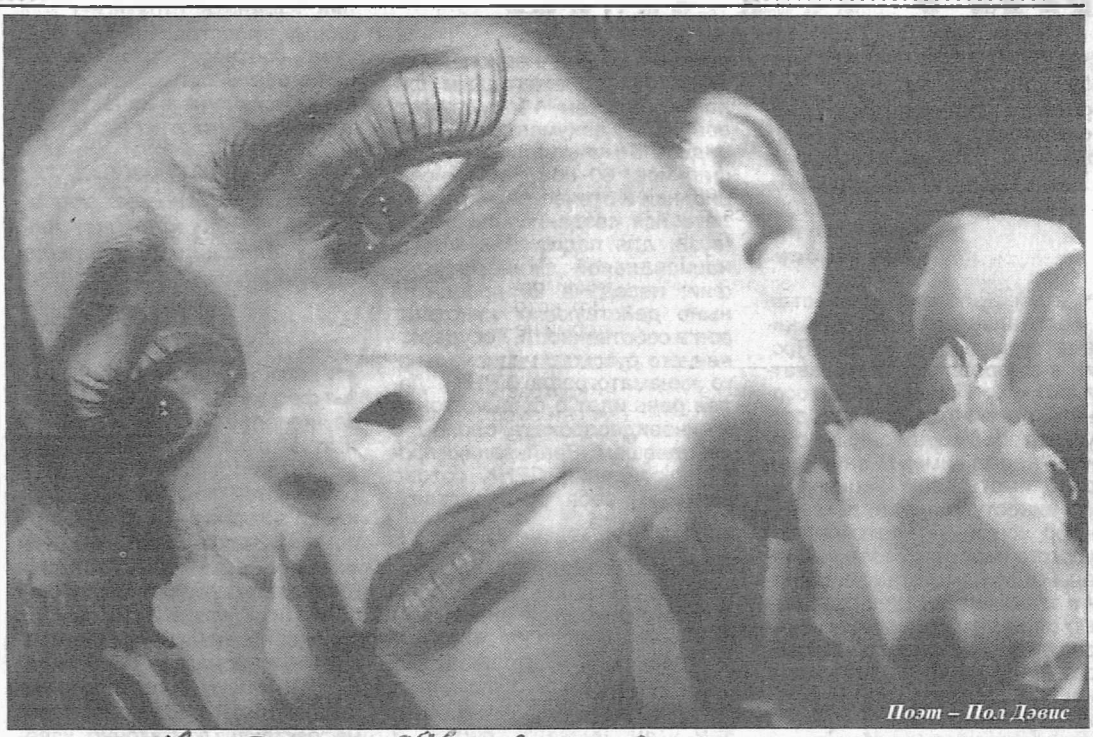

Поэт – Пол Дэвис

Культура. – 1996. – 8 июня – С.12

Пьеса в сонетах

Юрий ФРИДШТЕЙН

Уильям Шекспир как создатель великой драматургии, сценическая история которой длится вот уже четыре столетия и будет длиться всегда, покуда жив театр, начинал, как известно, не с пьес. Он начинал как поэт, автор сонетов, не оцененных по достоинству современниками и вскоре отодвинутых в тень его же собственными театральными творениями. А между тем на самом деле свою первую пьесу Шекспир написал именно в этом сонетном цикле, запечатлев (зашифровав) в нем историю любви Поэта, его юного друга и некоей дамы. Историю, в которой есть все, что нужно для сцены: сюжет, полный самых непредсказуемых и непредвиденных поворотов, и страсть, мучительная, испепеляющая, сводящая с ума. Романтическое чувство и плотское влечение, полное греховных мыслей, сладострастия и тайных, запретных, порочных желаний, и не только желаний... Потому сама мысль "сыграть сонеты" как пьесу, соединив воедино язык Шекспира и язык сцены, мысль эта, счастливо посетившая Уэльскую театральную труппу "Волкейно" (Великобритания), показалась мне занятной, и странно, что никто раньше до такого не додумался.

Трое актеров: Пол Дэвис – Поэт, Джеймс Питер Хьюисон – его юный друг (предположим, знаменитый граф Саутгемптон, первый лондонский покровитель Шекспира) и Ферн Смит – та самая, загадочная "смуглая леди", о которой существует столько легенд и литературных мистификаций. Начинают спектакль в постановке режиссера Найджена Чарнока с яростного, наэлектризованного эротизмом танца. Потом – пауза, тишина, вглядывание друг в друга, ожидание, предчувствие, предвкушение. Потом – неожиданно дерзкий "пробег" по залу младшего участника этого "треугольника", похожего на юного, порочного фавна, такого современного купидона-искусителя. Среди объектов его "домогательств" оказались и зрители. Добрался он и до задних рядов, и даже как-то ухитрился оказаться на балконе. Словом – страсть, страсть запретная, но одновременно и театральная игра, чуть-чуть занижающая и травестирующая все происходящее.

Но постепенно, и чем дальше, тем все отчетливее, ирония отступает, уходит бесследно, эротический танец подменяется просто однообразной акробатикой, а сама страсть незаметно превращается в некую имитацию страсти, в гимнастическое упражнение, за которым нет решительно ничего. А финал спектакля показался мне просто анекдотической вампукой при всей внешней авангардности этого действа – замшелой музейной древностью.

Жаль, потому что хорошая была мысль сыграть эту "пьесу в сонетах", пьесу, что написал Шекспир задолго до того, как начали появляться на свет божий его "настоящие" пьесы. "Пьесу", в которой он рассказал "о свойствах страсти" с такой степенью откровенности и одновременно зашифрованности, что не удавалась ему больше нигде и никогда. ●